

Д. А. КУНИЛЬСКИЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПУШКИНУ:

Пушкинская речь И. С. Аксакова
как результат эволюции славянофильства *

Речь, произнесенную Иваном Аксаковым на Пушкинском празднике в Москве летом 1880 г., правомерно рассматривать как итог славянофильского отношения к поэту — и итог довольно неожиданный. Характерный для раннего славянофильства подход к литературе, со всей очевидностью явленный в этой работе, не помешал оратору прийти к выводам, отличным от тех, что делали его предшественники. Двадцать лет во главе партии заставили Аксакова многое пересмотреть в оставленном ему наследстве, свели с людьми, своим примером научившими его иначе смотреть на Россию и ее первого поэта. Порой эти новые для Аксакова люди не многим уступали самому Пушкину и были прямыми его продолжателями.

8 июня на торжественном заседании Общества любителей российской словесности, посвященном открытию памятника Пушкину, И. Аксаков провозгласил: «Это был первый истинный, великий поэт на Руси и первый истинно-русский поэт, а по тому самому и народный, в высшем значении этого слова».¹ Современному чи-

---

* Статья подготовлена в рамках проекта «Создание и развитие деятельности Центра новых филологических исследований» Программы стратегического развития на 2012—2016 гг. «Университетский комплекс ПетрГУ в научно-образовательном пространстве Европейского Севера: стратегия инновационного развития» (ПетрГУ).

¹ Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1982. С. 279. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в скобках.

тателю слова Аксакова покажутся аксиомой, давно усвоенным общим местом, знакомым со школьной скамьи. Но буквально вплоть до самых Пушкинских торжеств статус поэта не был упрочен за ним. Столь бесспорным народное значение Пушкина не являлось и для славянофилов, поэтому перед тем как подойти непосредственно к Ивану Аксакову, изучить его оценку творчества и личности Пушкина, необходимо хотя бы в самом общем виде рассмотреть аналогичные взгляды старших славянофилов, оказавших огромное влияние на будущего автора речи.

Неоднозначное отношение к Пушкину характеризовало одного из «родоначальников» славянофильства А. С. Хомякова. По его мнению, неизгладимый отпечаток на творчество большинства русских писателей нанесла та «духовная болезнь», что «истекала из разрыва между просвещенным обществом и землею»,² возникшего еще с петровских времен. И Пушкин не был исключением: художника, способного воплотить национальную идею в живые, правдивые образы, в нем Хомяков не видел, хотя подчас и очень высоко оценивал его дарование.³ Статья другого будущего славянофила И. В. Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина» (1828) содержала оригинальную концепцию пушкинского творчества и была написана в очень уважительном по отношению к поэту духе. Однако затем, с укреплением славянофильских взглядов, Киреевский все реже вспоминает о Пушкине, свои надежды он, как и другие славянофилы, теперь возлагает на Гоголя.⁴

Особое внимание в нашем случае следует уделить брату Ивана Сергеевича Константину, который с детства слышал звуки пушкинских стихов. В Надежино, оренбургское имение Аксаковых, где жил маленький Костя, «„Евгений Онегин“ присылался тетрадами. Все это читалось вслух, громко, с каким-то увлечением».⁵ Неудивительно, что в юности К. Аксаков продолжал быть увлеченным читателем поэзии Пушкина, в ней он видел идеальное сочетание «мысли и звука», что следует из его дневника 1834—1836 гг.⁶ Ситуация постепенно меняется в славянофильский период: гораздо

---

² Хомяков А. С. О старом и новом: Статьи и очерки. М., 1988. С. 315.

³ Там же. С. 310.

⁴ См.: Манн Ю. В. Эстетическая эволюция И. Киреевского // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 58.

⁵ <Аксаков И. С.> Очерк семейного быта Аксаковых // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: В 4 т. М., 1888. Т. I. С. 18.

⁶ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 83. Л. 25.

ближе возмужавшему Аксакову становятся поэтические манифесты Хомякова или все тот же Гоголь, сполна отвечавший представлениям славянофилов об истинном художнике. Пушкин, напротив, стал восприниматься К. Аксаковым как поэт «отвлеченной, подражательной эпохи» русской литературы, выразитель интересов исключительно высшего сословия, далекой от народа «публики».⁷

Иван Аксаков также претерпел сложную мировоззренческую эволюцию, разрешившуюся, однако, совсем по-другому.

Зерном, из которого позднее выросло его выступление на Пушкинских торжествах, было давнее увлечение поэзией Пушкина, о чем мы можем судить по дневниковым записям и наброскам тогда еще воспитанника Императорского Училища правоведения.⁸ К Пушкину семнадцатилетний Аксаков обращается с самыми разными целями: пушкинская поэзия успокаивала его в минуты переживаний, давала обильный материал для собственного поэтического творчества и заставляла гордиться красотой родного языка. «Да возьмите любые стихи Пушкина: какие полные, круглые звуки!»⁹ — писал Аксаков.

Однако сказать, что на протяжении всей жизни отношение И. Аксакова к Пушкину оставалось неизменным, было бы не совсем верно. Пушкин в его сознании уступит первое место Гоголю, «этому монаху-художнику, христианину-сатирику» (с. 250). В статье-некрологе, где прозвучали цитированные слова, И. Аксаков поставил Гоголя выше Пушкина, Грибоедова и Лермонтова.

Характерно, что в 1860-е гг., время напряженной полемики о пушкинском наследии, у И. Аксакова не возникает желания принять в ней участия и специально высказаться о Пушкине (а ведь в нерешительности и уходе от спора славянофильского лидера трудно было бы упрекнуть). Между тем общее направление аксаковских изданий, случавшиеся в них резкие высказывания о современной литературе не могли пройти незамеченными.

Здесь стоит привести свидетельства почвенников, кому были дороги и славянофилы, и Пушкин. О непонятном для него поведе-

---

⁷ См.: Кошелев В. А. Пушкин и Хомяков // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987. Вып. 21. С. 36.

⁸ См.: Вихрова Н. Н. Пушкин в дневнике молодого Ивана Аксакова // Русская литература. 1999. № 2. С. 169—181.

⁹ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 3 об. См.: Вихрова Н. Н. Ранний критический опыт И. С. Аксакова // Русская литература. 2011. № 2. С. 181.

нии московских «теоретиков» неоднократно сигнализировал Аполлон Григорьев: «Славянофильство не любит, в сущности, Пушкина»;¹⁰ «к Пушкину оно равнодушно».¹¹ Но, пожалуй, наиболее остро поставил вопрос ученик Григорьева, Н. Н. Страхов, видевший в этом явлении отсутствие единства между лучшими представителями русской культуры. «Никому, впрочем, не тайна, — писал Страхов, — холодность наших славянофилов к нашему Пушкину. Она заявляется издавна и постоянно».¹² Такое наблюдение почвеннический автор сделал, отнюдь не только изучая взгляды старших славянофилов. Утвердиться в собственной правоте Страхову позволили публикации в газетах И. Аксакова, где к Пушкину прилагались старые славянофильские мерки. Так, в газете Аксакова «Москва» был напечатан материал, в котором о творчестве Пушкина говорилось крайне пренебрежительно: «...стих Пушкина вместе с его прозой нами же самими будут отнесены в разряд ученических попыток, не достигших умения владеть вполне образованною речью!»¹³

Но вместе с тем есть основания полагать, что мысли И. Аксакова все равно притягивались к Пушкину: шла подспудная умственная работа, целью которой было примирить былое увлечение Пушкиным и развившиеся славянофильские убеждения. Задолго до Пушкинских торжеств, еще в 1859 г., Аксаков кратко сформулировал положения своей будущей речи в переписке с писательницей Н. С. Соханской, публиковавшей свои повести под псевдонимом «Кохановская».¹⁴ Новый и, по всей видимости, заключительный этап в эволюции критических и эстетических взглядов И. Аксакова связан с его работой над биографией Ф. И. Тютчева. Знакомство с Тютчевым, проникновение в его внутренний мир, само общение

---

¹⁰ Григорьев Ап. Взгляд на книги и журнальные статьи, касающиеся русского народного быта // *Время*. 1861. № 4. С. 175.

¹¹ Воспоминания Аполлона Григорьева и воспоминания о нем. М.; Л., 1930. С. 355.

¹² Страхов Н. Н. Литературная критика. М., 1984. С. 133.

¹³ Москва. 1867. № 97. С. 2. Эта неподписанная статья, как указывает Страхов, принадлежала авторству Н. П. Гилярова-Платонова. См.: Страхов Н. Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. Киев, 1897. С. 19.

¹⁴ Надежда Степановна Соханская (1823—1884) — прозаик, драматург, близкий по своим взглядам к славянофилам. В дальнейшем, именуя эту писательницу, мы будем использовать ее творческий псевдоним — Кохановская.

с представителем «пушкинской плеяды поэтов» (к которой относил своего тестя Аксаков) помогло ему глубже взглянуть на Пушкина.¹⁵

Неслучайно свою речь о Пушкине Аксаков начал цитатой из Тютчева:

Тебя, как первую любовь,
России сердце не забудет...

Тютчевские строки использовал в своем выступлении и Достоевский, важные совпадения с которым многое объясняют в позиции славянофильского публициста.

Мысль Аксакова идет двумя путями: старым славянофильским, проложенным еще Хомяковым и К. Аксаковым, и близким к нему, но не тождественным, которого придерживались Достоевский, Тютчев, Кохановская. Условно эти направления можно назвать «теоретическим» (славянофилы) и «практическим», или «художественным» (выше названные писатели). Если воздействие на И. Аксакова старших славянофилов прослеживается совершенно отчетливо, то с другим направлением дело обстоит несколько иначе. Правильнее здесь будет говорить не о прямых текстуальных заимствованиях, а, скорее, о качественном изменении взглядов Аксакова, совершившемся во многом под влиянием авторитетных для него собеседников. Пребывание в кругу определенных идей позволило Аксакову прийти к тем же выводам, что и его союзник на торжествах Достоевский.

В начале своей речи Аксаков дает традиционный для критического жанра обзор развития русского общества и литературы с Петровских реформ. Историческая часть этих размышлений не выступает за рамки славянофильской концепции — дело Петра определяется как «мучительнейший из переворотов», насилие над русским народным чувством. Ранее об этом много писал К. Аксаков, автор яркой заметки «Опыт синонимов. Публика — народ», где идеализированный образ народа противопоставлялся не имеющей прочных духовных оснований «публике». Возникшая в XVIII в. литература, по мнению славянофилов, совершенно не могла постигнуть русскую жизнь в ее широте и многообразии, включая быт простого народа. Весь исторический путь русской ли-

---

¹⁵ О взаимоотношениях Тютчева и И. Аксакова см.: *Кожин В. В.* Тютчев. М., 1988; *Гачева А. Г.* «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» (Достоевский и Тютчев). М., 2004.

тературы от Кантемира до Лермонтова К. Аксаков определял как отвлеченный, подражательный период, имея в виду разрыв писателей с почвой, неумеренное подражание западным литературным образцам.

Подобные мнения славянофилов демонстрируют их отстраненность, подчеркнутую непричастность, даже «враждебность, которую они искони, в силу своих принципов, питали к ходячей литературе».¹⁶ С годами И. Аксаков значительно меняет свою позицию, хотя и не отказывается полностью от свойственной славянофилам исключительности суждений. В Пушкинской речи, как и в своей биографии Тютчева, Аксаков обосновывает не свойственную старшим славянофилам мысль о важном значении литературы для развития национального самосознания; указывая на несовершенство и подражательность поэзии допушкинской поры, он в то же время отмечает усилия русских стихотворцев овладеть родной речью.

Пушкин довершил собой эту длительную борьбу, соединив все лучшее, что было накоплено его предшественниками. В понимании случившегося Аксаков близок уже не славянофилам, а Достоевскому. При помощи схожих образов писатели запечатлевают начало творческого пути Пушкина, когда вместе с молодым поэтом стало обретать выбитую из-под ног почву и все русское общество. Достоевский в этом видит «пророчество» Пушкина: «...появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом».¹⁷ «Точно день, белый день настал для русского общества с появлением Пушкина», — подтверждает Аксаков (с. 267).

В ряду художников, высказывавших схожие с Аксаковым мысли о Пушкине, была названа Надежда Кохановская, опубликовавшая в славянофильском журнале «Русская беседа» статью «Степной цветок на могилу Пушкина».¹⁸ Писательница горячо оспаривала мнение об отрешенности Пушкина от текущей вокруг него жизни, превознесении себя над «чернью», уходе от первостепенных нужд общества. Объектом полемики для нее стало, с одной стороны, стихотворение Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин», утверждаю-

---

¹⁶ Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. Т. I: Биография, письма и заметки из записной книжки. С. 220 (1-я pag.).

¹⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 136.

¹⁸ Кохановская (Соханская Н. С.) Степной цветок на могилу Пушкина // Русская беседа. 1859. Кн. V (XVII). Отд.: Критика. С. 16—84.

щее превосходство гражданского чувства над поэтическим вдохновением, с другой — размышления издателя «Материалов для биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова о теории «искусства для искусства».

Но при этом Кохановская восхищается красотой и глубоким звучанием пушкинских стихов, чуждых «толпе», неспособной принять «изящное». «Не для житейского волненья...», — с благоговением произносит автор статьи.¹⁹ Чтение Аксаковым этих строк вызвало, по словам мемуариста, особенные рукоплескания на празднике.²⁰ «Какой еще „пользы“ нужно? Да ведь такие стихи, такие звуки — благодеяние!», — воскликнул Иван Аксаков (с. 269).

Можно заметить, что Кохановская и Аксаков в иных своих высказываниях не так уж далеки от теории «чистого искусства», принципы которой они используют при оценке пушкинского творчества. Однако наряду с приемами эстетической критики оба писателя отвечают на вопросы противоположной стороны, поясняя сугубо практический смысл произведений Пушкина. В чем заключался этот смысл? Кроме непосредственного отклика на самые животрепещущие события внутренней и внешней политики («Клеветникам России»), для Аксакова пушкинское творчество было мощным фактором в становлении самобытной русской литературы.

Ход мыслей И. Аксакова представляется довольно необычным для славянофильского критика. Чтобы это понять в полной мере, достаточно привести категоричное суждение К. Аксакова из его программной статьи 1857 г. «Обозрение современной литературы»: «Известен анекдот об математике, который, выслушав изящное произведение, спросил: *что этим доказывается?* Как ни странен этот вопрос в приведенном случае, но есть эпохи в жизни народной, когда при всяком, даже поэтическом, произведении является вопрос: *что этим доказывается?* Таковы эпохи исканий, исследований, трудовые эпохи постижения и решения общих вопросов. Такова наша эпоха».²¹

Очевидно, что в своих суждениях о Пушкине как слуге «чистого искусства» И. Аксаков сгладил острые углы славянофильской доктрины, органично связав одну для всех правду ис-

¹⁹ Там же. С. 49—54.

²⁰ Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. С. 311.

²¹ Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 338.

куства и русскую народность. Воспитанный на лучших достижениях европейской мысли и литературы, Аксаков вовсе не отрицал их ценности, чего, конечно, не допускали и старшие славянофилы. Речь всегда шла о праве русского народа внести свой вклад в мировую сокровищницу, а Пушкин, как теперь считал Иван Аксаков, первый приступил к этому делу.

Такое утверждение влекло за собой еще одну проблему, которую предстояло решить славянофильскому истолкователю Пушкина. Признать за пушкинским творчеством его народное значение мешало славянофилам, «известным чистотою своей семейной и личной жизни»,²² бытовое поведение поэта. Вольности Пушкина проецировались славянофилами на его произведения и заставляли делать весьма неоднозначные выводы.

Важным в данном случае представляется свидетельство из давнего письма С. Т. Аксакова к С. П. Шевыреву, где говорится о впечатлении, произведенном Пушкиным на московских знакомых в обыденной обстановке. «С неделю тому назад, — сообщает Аксаков, — завтракал я с Пушкиным, Мицкевичем и другими у Михаила Петровича (Погодина. — Д. К.). Первый держал себя ужасно гадко, отвратительно; второй — прекрасно. Посудите, каковы были разговоры, что *второй* два раза принужден был сказать: „гг., порядочные люди и наедине и сами с собою не говорят о таких вещах!“».²³ Все это отражалось на оценке пушкинского творчества и впоследствии не могло пройти мимо Ивана Аксакова. Но к 1880 г., когда многие сиюминутные явления уступили место вневременным ценностям, младший Аксаков сумел более глубоко постичь сущность Пушкина.

Недостатки, согласно известному выражению, это обратная сторона достоинств. В своем выступлении Иван Аксаков пошел от обратного: он рассматривает Пушкина как писателя и человека, который «если и выставляет себя, то непременно хуже, легкомыс-

---

²² Леонтьев К. Н. Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2003. Т. 6, кн. 1. С. 8.

²³ Письмо С. Т. Аксакова С. П. Шевыреву от 26 марта 1829 г. // Русский архив. 1878. № 5. С. 50. Воспоминания молодости, впрочем, не помешали С. Т. Аксакову восхищаться пушкинскими произведениями и воспринять художественные открытия Пушкина в собственном творчестве.

ленное, чем он есть», и в то же время несклонного приписывать себе разные «красивые» пороки («гордость, презрение, ненависть к людям»).

Размышления Аксакова — не дань празднику, принесенная к пьедесталу за тем, чтобы быть убранной на другой день. Его позиция формировалась постепенно, преодолевая разные идейные препоны, имевшие место в славянофильском кругу. В 1859 г. там завязалась эпистолярная полемика, вызванная все той же статьей Кохановской «Степной цветок на могилу Пушкина». Два противоположных мнения принадлежали ее автору и Хомякову, причем оба, — и Хомяков, и Кохановская, — обращались в письмах к И. Аксакову.²⁴ Вся мужественная, духовно крепкая поэзия, считал Хомяков, была у Пушкина сплошь переводная, даже «Пророк» «получил свое значение (...) по милости цензуры (смешно, а правда)». Разгадка такой несамостоятельности кроется в душе поэта, «слишком непостоянной и слабой или слишком рано развращенной и уже никогда не находившей в себе сил для возрождения».²⁵

Положение И. Аксакова в этом вопросе выглядит двойственным. С одной стороны, он принимает доводы Кохановской, о чем говорится в ответном письме,²⁶ с другой — обнаруживает некоторое единодушие со взглядами Хомякова. Пушкин, как полагают славянофильские авторы, не осознавал масштабов данного ему судьбой таланта и потому не сумел распорядиться им должным образом. И только мастерство Кохановской позволило «выхватить» идеалы поэта из глубины его творческой личности, не свободной от посторонних влияний.

Заметно все же, что И. Аксаков несколько мягче своего старшего товарища и учителя: он склонен как-то защитить Пушкина, объяснить его несоответствие славянофильскому образу национального художника объективными историческими условиями, не позволившими поэту раскрыться в полной мере. Аксаков сталкивает здесь две, казалось бы, противоречащие друг другу вещи — иностранное воспитание и способность Пушкина глубоко

---

²⁴ См. об этом: Пирожкова Т. Ф. «Живая связь любви» (о речи И. С. Аксакова на пушкинских торжествах 1880 г.) // Е. Р. Дашкова и А. С. Пушкин в истории России. М., 2000. С. 138—139.

²⁵ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1904. Т. 8. С. 366.

²⁶ Переписка Аксаковых с Н. С. Соханской (Кохановской) (1858—1859) / Сообщ. О. Г. Аксакова // Русское обозрение. 1897. Т. 43, февр. С. 584—585.

охватить «субстанцию» народной речи. К истолкованию подобного феномена он вернется в своем пушкинском выступлении.

«Дней Александровых прекрасное начало» представляется И. Аксакову не лучшим временем для развития народной литературы. К этому моменту «русские люди успели уже переродиться» и «приобрели даже развязность и ловкость „почти“ европейского человека» (с. 267). Воздействие идеологии Просвещения сказывалось не только на культурных обычаях, но затрагивало и межличностные отношения дворянского общества.²⁷ Аксаков отнюдь не закрывает глаза на сложные, противоречивые факты биографии Пушкина, но главное для него не это. «Вообще можно лишь удивляться, — размышляет Аксаков, — каким образом, при его французском воспитании дома и в лицее, при раннем, к несчастью, растлении нравов, обычном в то время вследствие безграничного господства в русском обществе французской литературы XVIII века; при соблазнах и увлечениях света, — мог не только сохраниться в Пушкине русский человек, но и образоваться художник с таким русским складом ума и души, с таким притом глубоким сочувствием к народной поэзии — в песне, в сказке и в жизни?..» (с. 269—270).

Ответ прост — свою роль здесь сыграли впечатления детства, деревня, общение с няней. Но это лишь «внешняя разгадка», потому как «и няня, и детские впечатления деревни таились тогда в воспоминаниях почти каждого отъявленного отрицателя русской народности». Мало получить такой дар, надо еще, чтобы семя упало на благодатную почву.

Здесь же Аксаков обращается к важному для славянофилов вопросу о попытках современных писателей стилизовать свои произведения под народное творчество, придать им характерную фольклорную окраску. Ранее об этом бегло высказывался Хомяков, опровергая некоторые положения Белинского, представленные в цикле статей «Сочинения Александра Пушкина». В работе

---

²⁷ Насколько расхожим было представление о моде на фrivольные увеселения в начале XIX в., свидетельствует хотя бы такая фраза, принадлежащая одному из героев романа Писемского «Тысяча душ»: «... ну, тогда, может быть, он (Пушкин) желал казаться повесой, как было это тогда в моде между всеми нами, молодежью...» (*Писемский А. Ф. Собр. соч.: В 9 т. М., 1959. Т. 3. С. 129*). В этом случае Аксаков не пытается перенести ответственность с Пушкина на «среду», а просто отмечает господствовавшие в то время настроения.

«Мнение русских об иностранцах» (1846) Хомяков, говоря о «народной поэзии», заметил, что ни Пушкин, ни Лермонтов, «кажется, даже не поняли вполне ни ее неисчерпаемых богатств, ни даже ее неподражаемого языка».²⁸ Смысл этих слов, прозвучавших в основополагающем для славянофильства труде, у Аксакова значительно изменен. Хотя «не все создания Пушкина в этом направлении» кажутся Ивану Аксакову «одинаково удачными, но все обличают великого мастера и свидетельствуют, как все глубже и глубже проникал его художественный взор в красоты русского народного эпоса, в золотую руду народного слова» (с. 272—273). В доказательство он приводит сказки Пушкина, его редкое, на уровне «записных ученых», знание народных сказаний и былин.

Свое выступление Аксаков строит, будто отталкиваясь от прежних высказываний литераторов славянофильского круга. Это, конечно, не значит, что он держал в голове все давние статьи, опубликованные в славянофильских изданиях. Многое он действительно помнил, бережно хранил в памяти наследие старших славянофилов. Проблематика аксаковской речи, несомненно, несет на себе сильный отпечаток эстетических и историософских представлений славянофильства, причем оценки, чаще всего, отличаются от данных ранее.

Это хорошо видно, если сравнить мысли Аксакова и программную статью близкого к славянофилам Н. П. Гилярова-Платонова «Семейная хроника и Воспоминания С. Аксакова», опубликованную в «Русской беседе» в 1856 г. В своей статье Гиляров-Платонов дает характеристику творчества ведущих русских писателей, указывая на фактическое отсутствие в их произведениях положительных художественных типов. Что касается Пушкина, то он, хотя и назван «первым народным поэтом», «эпохой в нашей литературе», оценивается все-таки очень строго — чего стоит хотя бы упоминание «игривой и беззаботной» пушкинской поэзии, далекой от каких-либо духовных интересов и переживаний.²⁹

Цитированные выше высказывания из Пушкинской речи Ивана Аксакова, при всей схожести начальных посылок, имеют совершенно иной вывод. Вот характерный пример. В своей статье Гиляров среди прочего обсуждает картины русской природы, встречаю-

²⁸ Хомяков А. С. О старом и новом. С. 125—126.

²⁹ Г—в Н. (Гиляров-Платонов Н. П.) Семейная хроника и Воспоминания С. Аксакова // Русская беседа. Кн. I. Критика. С. 14.

щиеся у Пушкина и Гоголя. Но и здесь за малыми исключениями нельзя отыскать «ни одного успокаивающего образа» («пустынно, скучно, однообразно»), везде запечатлелось отрицательное воззрение художника на жизнь.³⁰ Гиляров вспоминает начало второй главы «Евгения Онегина»,³¹ «где в прекрасных стихах предлагаются только общие места, — луг, поле, стадо, цветы и наконец „огромный запущенный сад, приют задумчивых дриад“». Словом, природа изображена великолепно, но эта природа не выглядит собственно русской.

На том же самом материале, приводя онегинские строки «Был вечер. Небо меркло. Воды...», Аксаков доказывает обратное. «Никто до Пушкина, — говорит он, — не воспроизводил ни в стихах, ни в прозе нашей простой сельской природы с такою простотою истины и с такою теплотою сочувствия» (с. 272). Важно заметить, что упреки в отвлеченности, делаемые Гиляровым Пушкину, Аксаков адресует допушкинской литературе, используя при этом тот же категориально-образный ряд.

Все сказанное Иваном Аксаковым о личности Пушкина, описаниях природы в его произведениях подводит автора речи к вопросу о преобладающем характере пушкинского творчества. В своих размышлениях Аксаков отталкивается от проблемы положительного художника, которая всегда волновала славянофилов. Согласно традиционной славянофильской классификации, первым литератором, кто «взглянул на нашу жизнь с положительной, а не с отрицательной точки зрения»³² был С. Т. Аксаков (об этом, в частности, говорилось в посвященной ему статье-некрологе за подписью Хомякова). Поэтому, чтобы воздать Пушкину должное, от Ивана Аксакова требовалось не только пересмотреть сложившиеся литературные взгляды, но и в какой-то степени поступиться личными интересами, связанными с памятью родных людей. Почти повторяя конструкцию цитированной фразы Хомякова, И. Аксаков говорит: «Пушкин первый в нашей литературе отнесся не только к русской природе, но и к воспроизведенным им явлениям русской бытовой жизни с их положительной стороны, и притом с такою верностью, которой мог бы позавидовать любой реалист нашего времени. Вспомните его изображения русской уездной сельской

---

³⁰ Там же. С. 19.

³¹ В статье глава по ошибке названа третьей.

³² Хомяков А. С. О старом и новом. С. 413.

жизни в „Онегине“, его „Капитанскую дочку“ и множество других: сколько в них правды, и как эта правда согрета и освещена теплым светом сочувствия...» (с. 273).³³

О положительном мироотношении Пушкина, его любви к русской истории и русскому народу подробнейшим образом говорил и Достоевский. Центральное место в его речи занимает интерпретация пушкинской Татьяны, опровергающая характеристику, которую дал этой героине Белинский. Достоевский — всецело на стороне героини, он убедительно объясняет ее поступок и финал романа, подчеркивая положительный характер созданного Пушкиным образа («тип положительной красоты», «апофеоза русской женщины»).³⁴ Оценка Достоевским Татьяны противоречит и тому, что было сказано о ней в «Русской беседе». В уже называвшейся статье Гиляров-Платонов довольно резко охарактеризовал Татьяну («с глубокой самой по себе природой, но все-таки — пустая»).³⁵ Но И. Аксаков, не вспоминая старые «грехи», восхищается «простой, в русской деревне возросшей, умной Татьяной» и рассматривает развязку романа как «своего рода смелый поступок художественной правды» (275—276).

Случаи совпадения Ивана Аксакова с Достоевским, так же как примеры развития в аксаковской речи взглядов старших славянофилов, принявшие, вероятно, без всякого желания автора, вид своего рода «полемики», можно множить еще. В качестве заключения имеет смысл привести две цитаты из работ братьев Аксаковых. Первая принадлежит неоконченной статье Константина Аксакова «О современном стихотворстве в нашей литературе», где славяно-

---

³³ Взгляды интерпретатора здесь гармонично совпали с пушкинскими, ведь и сам Пушкин, как замечает Т. Г. Мальчукова, «считает любовь необходимой для ценителя искусства», «любви требует он и от критика русской жизни» (Мальчукова Т. Г. Античные и христианские традиции в изображении человека и природы в творчестве А. С. Пушкина. Петрозаводск, 2007. С. 305, 306).

³⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 140.

³⁵ Г-в Н. <Гиляров-Платонов Н. П.> Семейная хроника и Воспоминания С. Аксакова. С. 17. В дальнейшем отношение Гилярова-Платонова к Пушкину изменится, и в 1880 г. критик выскажет идеи, «оказавшиеся удивительно созвучными, даже конгениальными идеям Достоевского». См. об этом: Егоров Б. Ф. Пушкин в оценке религиозных мыслителей и литературных критиков России 1870—1880-х годов (Н. П. Гиляров-Платонов и Ф. М. Достоевский) // Болдинские чтения. Нижний Новгород, 1998. С. 86—89.

фильский критик дал оценку всей деятельности Пушкина: «Державин и, наконец, Пушкин сделали все, что может только сделать великий талант в отвлеченной от народа сфере. Личного подвига много, много поэтической красоты в их отвлеченных произведениях и много высказалось таланта <...>. Стихи их сладки для нас оттого <...> что они нам современны; но какая неугасимая мысль высказалась в них? Ее нет, да и быть не может: эту силу дает только народная самобытность».³⁶ А вот как в своей речи значение Пушкина определил уже Иван Аксаков: «Он первый внес правду в мир русской поэзии и разрешил плен русского народного духа в доступной ему сфере искусства. Как орел парит над нами и до сих пор его поэтический гений <...> вовеки гордость, слава и любовь русской земли!» (с. 279). Специально комментировать это различие, наверное, нет нужды.

Сам Аксаков восторженно принял речь Достоевского, назвав ее «событием». Он даже отказывался выступать, поскольку считал, что Достоевский выразил и его мысли о Пушкине. Однако и собственная речь Аксакова явилась подлинным событием в истории славянофильства и русской литературы. Эта работа соединила в себе традиционные славянофильские идеи и глубоко личные представления Ивана Аксакова, обнаруживающие в нем талантливого, самостоятельного мыслителя и критика. Необходимый шаг в сторону русской литературы славянофильством был сделан.

---

³⁶ Аксаков К. С. О современном стихотворстве в нашей литературе / Публ. В. А. Кошелева // Русская литература. 1981. № 3. С. 133. Данный текст, датированный 1852 г., не был опубликован и рассматривается как наброски к позднему «Обзору современной литературы». В окончательный вариант цитированные слова по каким-то причинам не вошли.